

Рец. на: Савельев А. В., Мясников Н. С. К происхождению этнонима *чуваши*: основные версии и их историческая интерпретация / А. В. Савельев, Н. С. Мясников; науч. ред. Э. Е. Лебедев. Чебоксары: ЧГИГН, 2026. 60 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 41).

В. В. Напольских,
главный научный сотрудник,
руководитель Центра историко-лингвистических исследований
Института истории и археологии УрО РАН,
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН,
г. Екатеринбург, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1549-9639>
vovia.nap@ya.ru

The review on: Saveliev A. V., Myasnikov N. S. On the origin of the ethnonym *Chuvash*: the main versions and their historical interpretation / A. V. Saveliev, N. S. Myasnikov; scientific ed. E. E. Lebedev. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2026. 60 p. (Scientific reports / Chuvash State Institute of Humanities; issue 41).

V. V. Napolskikh,
Chief Researcher,
Head of the Center for Historical and Linguistic Research,
Institute of History and Archaeology
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1549-9639>
vovia.nap@ya.ru

Рец.: Савельев А. В., Мясников Н. С. *Чăваш* этноним пулăвĕ сĕнчен: тĕп ăнлантарусем тата вĕсене истори тĕлĕшĕнчен хаклани / А. В. Савельев, Н. С. Мясников; ăслăлăх ред. Э. Е. Лебедев. Шупашкар: ЧПГАИ, 2026. 60 с. (Ăслăлăх докладĕ / ЧПГАИ; 41-мĕш кăларăм).

В. В. Напольских,
Раççей ăслăлăх академийĕн Урал федераци тĕпчев центрĕн
Историпе археологи институтĕнчи
Историпе чĕлхе тĕпчевĕсен центрĕн ертÿçи, ăслăлăх тĕп ёçтешĕ,
истори ăслăлăхĕсен докторĕ, профессор,
Раççей ăслăлăх академийĕн корреспондент членĕ,
Екатеринбург хули, Раççей
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1549-9639>
vovia.nap@ya.ru

© Напольских В. В., 2026

Рецензируемый текст представляет собой чрезвычайно полезный и тщательный критический обзор данных и гипотез, относящихся к проблеме происхождения этнонима *чуваши*. Очень важно, что обзор охватывает три аспекта истории этнонима: историколингвистический (время и обстоятельства появления его на страницах письменных источников и эволюция его значений и коннотаций), лингвистический (критический обзор этимологий этнонима и выводы об их состоятельности) и исторический (как этноним в той или иной его трактовке в разные периоды своего бытования вписывается в этноисторический контекст). Все три аспекта рассмотрены максимально тщательно и квалифицированно, и, на мой взгляд, не пропущено ни одного сколько-нибудь значимого источника или исследования, ни одно важное обстоятельство не упущено из виду. Несмотря на наличие обширной

историографии вопроса, в исследовании которого участвовали весьма именитые ученые, следует заключить, что представленный А. В. Савельевым и Н. С. Мясниковым обзор является на сегодня самым полным и лучшим из написанного по данной теме.

В вводной части очень верно отмечены политический, идеологический и псевдонаучный аспекты трактовки этнонимов, определяющих ее значимость. Думаю, вполне оправданно в дальнейшем тексте авторы отказались от разбора откровенно антинаучных версий. Можно надеяться, что после публикации этого обзора аналогичным образом упадет надобность обсуждать «суварско-сувазскую» и «языческую» версии происхождения этнонима *чуваши*.

Важнейшим выводом этноисторического плана в рецензируемом тексте следует признать положение о том, что беспрецедентные для региона катаклизмы второй половины XIV — начала XV в.: эпидемия чумы, «великая замятня» в Орде и др. — привели к перестройке этнического состава и этнонимической системы региона, следствием чего стало появление в источниках новых этнонимов.

Поскольку мы обсуждали с авторами предварительную версию их работы, и они учли все сделанные мною замечания, сколько-нибудь существенных замечаний к публикуемому тексту у меня нет. Коснусь только выводов исследования. При внимательном рассмотрении всех фактов я бы несколько смягчил общий вывод, сохранив как альтернативные два варианта: *čävaš* от тюрк. **javaš* ‘мирный, спокойный’ < пратюрк. **jabat̪* ~ **jabat̪a* и *čävaš* < тюрк. **joɣač* ‘та сторона (реки)’, с большим предпочтением второй, но и без радикального отрицания первой.

Критика старой гипотезы о происхождении *čävaš* от тюрк. **javaš* ‘мирный, спокойный’ в работе все-таки представляется мне не достаточной, чтобы вовсе от этой версии отказаться. Вклад авторов важен прежде всего в лингвистическом аспекте. Они вполне корректно возводят тюрк. **javaš* к пратюрк. **jabat̪* ~ **jabat̪a* с соответствующей реконструкцией собственно-чувашской формы **šäval* ~ **šavaš*, а затем предполагают единственный возможный сценарий происхождения формы *čävaš*: междialeктное заимствование, проникновение в чувашский — напрямую или через кыпчакское посредство (тат. *ču^waš*) — формы какого-то болгарского диалекта, где допустимый исходя из реконструкции пратюркский вариант **jabat̪a* давал бы рефлекс типа **čävaš* (т. е. отражалось бы развитие пратюрк. **j-* в булг. **č-*). Но оценивают они этот сценарий в целом негативно: «Такой сценарий равным образом невозможно ни опровергнуть, ни доказать; т. е. эта теория является сущностно неверифицируемой». Однако они сами в другом месте указывают на возможную параллель и источник такого развития, когда предлагают свой вариант этимологии для черемис: чув. *šarmä-s* ~ *šarmä-š* — ‘черемис’ и чув. (диал.) *šarmä-k* > *šamră-k* ‘молодой, юноша’ предлагается рассматривать как восходящие к булг. **žermi-* ‘юноша, ребенок’ (> венг. *gyermek* ‘ребенок’). Имея в виду эту параллель, можно предположить, что источником рефлекса **čävaš* < **jabat̪a* мог быть «дж-булгарский» диалект или тюркский язык кыпчакского или огузского типа (в этом случае достаточной будет реконструкция пратюрк. **jabat̪*) с развитием **žawäs* > чув. *čävaš* > тат. *ču^waš*. Развитие пратюрк. **j-č* > чув. *š-š* > тат. *č-š* в *черемис* в общем-то не сильно отличается от развития пратюрк. **j-t̪* > чув. *š-š* > тат. *č-š* в *чуваши*.

В историческом и семантическом плане я также не вижу здесь особых сложностей. То, что в татарском и в чувашском языке основа тат. *ju^waš* ~ чув. (< тат.) *jävaš* сегодня едва ли может быть употреблена для выражения семантики типа ‘мирный’ при характеристике целых сообществ, говорит только о нынешней семантике слова, когда создание новых политонимов уже не происходит. Никто не может гарантировать, что такая возможность отсутствовала и раньше (ср. наблюдения Д. Немета об использовании данной основы в тюркской этнонимии, о чем упоминают Савельев и Мясников). То обстоятельство, что слово *черемис* появляется в источниках уже в X в., а *чуваши* — только в XVI в. также не сильно меняет дело: наличие с X в. «воинственных» соседей не обязательно предполагает наличие тогда же и «мирных», «мирные» могли быть маркированы позже, когда таковые (например, после относительного упорядочения жизни в Казанском ханстве) появились. Несмотря на вполне понятные факты о включении чувашей в том числе и в воен-

ные структуры Казанского ханства, нельзя отрицать, что положение марийцев было все-таки более независимым. Да дело даже и не в этом, а скорее в том, что «черемисами» в XV — XVI вв. называли, вероятно, население северной (марийской) и западной, правобережной (горномарийской и чувашской в современном понимании) периферии Казанского ханства, а «чувашами» — казанских, левобережных чувашей, перешедших на татарский язык, возможно, только в XVII — XVIII вв. О сохранении в Заказанье еще в XVI — XVII вв. оставшегося достаточно престижным чувашского языка я на основании удмуртских заимствований писал ранее, и это же положение на множестве других фактов прекрасно показано в рассматриваемой работе.

Слабость этимологии от **javaš* ‘мирный, спокойный’ состоит прежде всего в том, что она не объясняет происхождение мар. *suas* ‘татарин’, которое от самоназвания чувашей отделять трудно. Предложить какие-то объяснения можно (например, чув. **šāwaš* > мар. **su^waš* с ассимиляцией > *suas*), но все они будут достаточно сложными.

Что касается версии «заречане» для этимологии этнонима чуваш [< тюрк. **joɣač* ‘та сторона (реки)’], к которой авторы, по-видимому, приходят в результате своего обзора, она выглядит очень неплохо и, пожалуй, предпочтительно, хотя также оставляет некоторые проблемы. Сама по себе мысль о переселении чувашезычного населения на правый берег Волги (resp. Итиля) в XV в. в смутное время предшествовавшее формированию Казанского ханства и обозначения этим населением (и, добавлю, их оставшимися на левом берегу соплеменниками) себя как «заречных» жителей вполне приемлема. Сильной стороной этой гипотезы является возможность беспроblemного объяснения мар. *suas* ‘татарин’ как заимствования из раннего чувашского самоназвания **šāwaš* ‘заречные’ (< тюрк. **joɣač*), — и таким образом эта версия является единственной, которая объясняет и татарско-чувашский (*ču^waš* ~ *čāvaš*), и марийский (*suas*) этнонимы, отделять которые друг от друга, как уже было сказано, едва ли следует. Остается, однако, не объясненным, как в дальнейшем (и довольно быстро, поскольку первые упоминания этнонима *чуваши* появляются уже в начале XVI в.!) это самоназвание было полностью заменено в чувашском языке на татаризированную форму *čāvaš* < тат. *ču^waš* — при том, что татарское слово не является правильным продолжением тюрк. **joɣač*, а само должно было сначала быть заимствовано и адаптировано из раннего чув. **šāwaš* (скорее — из языка оставшихся на левом берегу постепенно ассимилируемых татарами чувашей, которые этим словом могли называть своих переселившихся на правый берег Волги соплеменников). По-видимому, здесь потребуется еще дальнейшая проработка. Замечу, что и в этом случае — как и в случае с *čāvaš* < тюрк. **javaš* < пратюрк. **jabat* ~ **jabatə* ‘мирный, спокойный’, никак не обойтись без предположений о татарском влиянии и сложных перекрестных булгаро-кыпчакских заимствованиях.

Не могу разделить мнение авторов о происхождении татарского названия удмуртов *ar(lar)* от булг. **ār* < **ādV* < др.-удм. **odo* ‘удмурт’ (> удм. *ud-* в *udmurt*, мар. *odo* ‘удмурт’). Этимология остроумная и лингвистически приемлемая. В дополнение к известному случаю отражения болгарского перехода **VdV* > **VrV* в болгарских заимствованиях в удмуртском (удм. *arña* ‘неделя’ < булг.: чув. *erñe* < перс. *ādīne* ‘пятница’) добавлю еще пару довольно забавных: удм. *pat’ak* ‘вульва’ и *barak* ‘vulva (у старух)’ представляют собой соответственно татарское (тат. *bātāk*) и болгарское (**barak* < **badak* < тюрк. **bātāk*) заимствования; удм. (фольк.) *urom* — имя первого сотворенного богом человека, позднее ‘товарищ, приятель’, возможно, отражает булг. *āram* < араб. *adam*. Однако упоминание у ал-Гарнати (XII в.) страны Ару (ارو), лежащей к северу от Волжской Булгарии, скорее все-таки указывает на употребление в болгарском или в поволжско-кыпчакском уже в XII в. тюрк. *ary* ‘та сторона (реки)’ как географического термина в отношении территорий за Итилем, где позднее живут удмурты, и косвенно поддерживает нашу старую версию о происхождении тат. *ar(lar)* от этого корня. В любом случае, для этимологии этнонима *чуваши* данная проблема irrelevantна, и я бы на месте авторов не настаивал на их — пусть и весьма остроумной — версии. Скорее напротив: использование термина «заречане» для татарского названия удмуртов могло бы рассматриваться как наличие такой модели в булгаро-чувашской и татарской этнонимии (в удмуртской, например, она сохраняется и по

сей день) — и поддерживать версию о происхождении самоназвания чувашей от слова с той же семантикой.

Сделанные замечания представляют собой скорее развитие исследования, попытку обсудить остающиеся проблемы и ни в коем случае не умаляют самой высокой оценки, которую следует дать работе А. В. Савельева и Н. С. Мясникова. Ее основное достоинство — в чрезвычайной, редкой сегодня методологической корректности, тщательности проработки материала и одновременно — в новаторском характере, смелом вынесении на обсуждение новых интерпретаций. Именно это не оставляет равнодушным и, с одной стороны, вовлекает в дискуссию, а с другой — позволяет эту дискуссию вести на должном уровне. Без сомнения, в решении запутанного и сложного вопроса о происхождении этнонима *чуваш* сделан значимый вклад.

Рецензия поступила в редакцию 03.02.2026, принята к публикации 05.03.2026;
the reviewed was submitted 03.02.2026, accepted for publication 05.03.2026;
рецензи редакцие 03.02.2026 ситнӗ, пичетлеме 05.03.2026 йышӑннӑ.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи;
the author has read and approver the final version of the manuscript;
автор ал сыравӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ тата ырланӑ.